

Вместо предисловия

Работу над книгой об основоположнике ислама — пророке Мухаммеде — Вера Федоровна Панова начала в 1967 году, вскоре после выхода в свет ее исторических повестей «Лики на заре».

«В настоящее время я собираю материалы и делаю наброски к книге “Жизнь Магомета”, — писала она в конце 1967 года Ю.Н. Короткову, главному редактору серии “Жизнь замечательных людей” издательства “Молодая гвардия”. — Жизнь этого человека была очень яркой и протекала в обстановке, мало знакомой широкому читателю, а ее воздействие на последующие поколения огромно. Как Вы помните, жизнь этого человека собирался описать Л.Н. Толстой. Мне кажется, что подобная книга, насыщенная информацией о событиях, понятиях и нравах этой эпохи, знающая сущность ислама в момент его возникновения и его связями с другими религиями, — должна получиться не только интересной, но и полезной. Я рассчитываю, что мне удастся совместить мою атеистическую позицию как автора с полным уважением и тактом по отношению к личности Магомета и убеждениям его последователей и сделать книгу так, что она не оскорбит чувств мусульман (как наших соотечественников, так и за рубежом).

Я очень бы хотела узнать Ваше мнение о возможности издания этой книги в ЖЗЛ и опубликования некоторых глав из нее в альманахе “Прометей”»...

Реакция на это письмо была положительной, и в соответствии с заключенным вскоре договором рукопись должна была быть представлена к 1 января 1969 года, однако в конце 1968 года В. Ф. Пановой пришлось обратиться к Ю. Н. Короткову с просьбой пролонгировать договор.

«Я переоценила свои теперешние физические возможности, когда обещала представить “Жизнь Мухаммеда”» (традиционное для нашей литературы имя Магомет очень скоро было заменено по настояниям арабистов как устаревшее на Мухаммед. — Ю. В.) к 1 января 1969 года. Кроме того, недавно мне удалось достать еще одну книгу Монтгомери Уотта. Знакомство с этой книгой обязывает меня сделать ряд уточнений в моей рукописи. Тем не менее на днях я Вам вышлю первые пять листов. Надеюсь, Вы найдете в них хотя бы некоторые свидетельства о том, что интересное дело, которое мы с Вами начали, стоит того, чтобы его завершить. Лично я работаю над этим материалом с большим увлечением...»

Рукопись была сдана в издательство в начале 1970 года. Одновременно был подготовлен сокращенный вариант для журнала «Дружба народов» и анонсирован на 1971 год.

Публикация в обоих вариантах, получивших одобрительные отзывы арабистов, встретила обычные для тех лет трудности, которые так и не были преодолены, несмотря на исключительно доброжелательное отношение к книге и в редакции ЖЗЛ, и в «Дружбе народов».

В начале работы над книгой я подбирал и систематизировал необходимые для Веры Федоровны обширные материалы по истории ислама, опубликованные на английском языке, консультировался с востоковедами. Однако вскоре мое участие в работе переросло чисто секретарские рамки, и с 1969 года я стал соавтором этого труда.

То, что книга готовилась для серии ЖЗЛ, обусловило ее жанр — все факты, приведенные в ней, строго «документированы», их считают достоверными многие крупные отечественные и зарубежные исламоведы. Коран цитируется в переводе И. Ю. Крачковского (издание 1963 года). Использовались также переводы фрагментов Корана, встречаю-

щиеся в работах В. С. Соловьева, В. В. Бартольда и других авторов. Поступки и высказывания пророка Мухаммеда в обыденной жизни, являющиеся образцом и руководством для каждого мусульманина в решении всех жизненных проблем, дошедшие до нас в виде хадисов (изустно передававшихся рассказов непосредственных участников и очевидцев событий, впоследствии записанных), без каких-либо искажений взяты из тех изданий, которые признаны заслуживающими уважения у ортодоксальных приверженцев ислама. Использовались и другие источники, в частности капитальный труд Ибн Исхака, составившего в VIII веке полную биографию пророка, дошедшую до нас в переработке Ибн Хишама, жившего в IX веке (в английском переводе, сопровождаемом подробным научным комментарием).

Многие вопросы, касающиеся жизни и деятельности пророка Мухаммеда, до сих пор остаются дискуссионными, и авторы не считали себя обязанными при их освещении строго следовать какой-либо из исламоведческих школ. Вместе с тем в традициях отечественной культуры (В. С. Соловьев, В. В. Бартольд) авторы рассматривали ислам как самостоятельную монотеистическую религию, ничуть не менее развитую, нежели, скажем, христианство.

Как человек разрушает в себе традиционные представления о добре и зле, о справедливости и несправедливости? Какими путями происходит его отказ от еще недавно неоспоримых истин? Как потом от безбрежного нигилизма он переходит в повседневной реальности к новым идеалам, которым суждено со временем превратиться в новые догмы? Какую роль при этом играют его рассудок, интуиция, познавательная и творческая сила воображения? Подобные вопросы, возникавшие, конечно, в ходе работы над «Жизнью Мухаммеда», представлялись авторам актуальными и в нашу эпоху, когда их решение для очень многих людей связано не только с религиозными верованиями.

...Работа закончена 20 лет тому назад. В. Ф. Панова ушла из жизни в 1973 году. Готовя рукопись к печати, я старался ограничиться лишь самыми необходимыми изменениями —

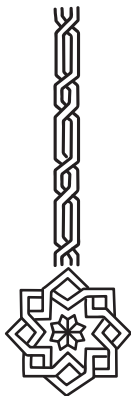

ознакомление с изданным в 1989 году капитальным трудом О.Г. Большакова «История Халифата. I. Ислам в Аравии (570–633)» позволило уточнить датировку некоторых событий, ряд исправлений в рукопись внесены в связи с критическими замечаниями рецензентов. Заинтересованный читатель сможет познакомиться с кораническими текстами и по второму изданию перевода И.Ю. Крачковского, осуществленному в 1986 году.

Даже в разгар «атеистического вандализма» никто всерьез не требовал, чтобы слово «Аллах» писали со строчной буквы, хотя писать слово «Бог» с прописной буквы было строго запрещено. Слова «Аллах» и «Бог» являются фактически синонимами. Скажем ли мы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», или «Во имя Бога милостивого, милосердного» — суть нашего обращения не изменится. Я рад, что в настоящем издании просьба автора писать слово «Бог» с прописной буквы удовлетворена.

*Ю.Б. Вахтин**

* Юрий Борисович Вахтин — сын В.Ф. Пановой.

Вступление

Давно или недавно жил Магомет? Далеко ли от нас его родина? Мы отправляемся на тысячи километров к югу, переплываем Черное море, пересекаем Турцию и Сирию и попадаем в Саудовскую Аравию. Но разве это родина пророка? Нет, она еще дальше — она лежит в прошлом, на расстоянии в полторы тысячи лет. Там была сцена, на которой разыгрывалась его жизнь. О ней мы знаем далеко не все... Нам трудно понять смысл и значение того, что рассказывают его современники, — ведь двигаясь все дальше на юг и на юг, мы незаметно для себя пересекли границу нашей цивилизации, а двигаясь в глубь веков, покинули привычные для нашего времени формы общественной жизни. Мы попадаем в мир, где повседневная жизнь людей наполнена религиозными представлениями, а неверие в бога или богов считается свидетельством очевидной глупости, нарочитого безумного бахвальства и опасной склонности к сверхъестественному злодейству.

Но полно, так ли далек от нас мир Магомета? Не пугаем ли мы себя этими различиями, не берем ли неподобающе мелкий масштаб, чтобы преувеличить их и исподволь возвеличить себя и свое время? Не за тысячи километров от нас и не за полторы тысячи лет до нас, а рядом с нами, практически здесь, только что, сейчас, сию минуту началась и окончилась жизнь Магомета. Стоит ли удивляться, что человек не претерпел за это время никаких существенных биологи-

ческих или психологических изменений, остался по своей **природе** (конечно, не по своему воспитанию, образованию и общественному опыту) тем же самым? Удивляться этому, может быть, и стоит, но это — научный факт, дорогой читатель... Да, да, мы с вами не отличаемся ни духовными, ни физическими возможностями от людей того времени. Поэтому во имя правильного отношения к историческому прошлому и к его общечеловеческому значению давайте не забывать, что, в сущности, в известном смысле родина пророка Магомета — наша планета Земля, время его жизни — эпоха, вполне доступная нашему обозрению, а стало быть, и он сам, и окружавшие его люди — почти что наши современники. И рассказ о его жизни не труднее и не легче, чем о жизни любого другого выдающегося человека...

Великого пророка звали Мухáммед — «Магомет» пришло к нам из французского языка. Пора переучиваться. Мухáммед, Мухáммед, Мухáммед — с ударением на втором слоге; постепенно это имя станет звучать привычно для нас.

Глава 1

ОСТРОВ АРАБОВ

Остров арабов ♦ Его обитатели ♦ Племенной строй кочевников ♦ Семья и клан ♦ Священный закон гостеприимства ♦ Кровная месть ♦ Воины и поэты ♦ Положение женщины в племени ♦ Племенные боги ♦ Письменность и литература

В широком смысле слова родина Мухаммеда — огромный Аравийский полуостров, по территории равный четверти Европы. Арабы называли его Островом арабов, так как вокруг него всюду плещется вода — Красное море, Индийский океан, Персидский залив, Мертвое море, реки Евфрат и Иордан.

Аравия... Горы, плоскогорья, засушливые степи, полупустыни, пустыни...

С северо-запада на юго-восток вдоль Красного моря на полторы тысячи километров тянутся горы Хиджаза, от которых к северу и востоку отходят невысокие хребты. К морю эти горы круто обрываются. Узкую низменную прибрежную полосу, знойную и безводную, называют Тихамой. К долине Евфрата и Персидскому заливу горы Хиджаза спускаются полого — это огромное плоскогорье Неджд, здесь раскинулись каменистые степи и полупустыни с редкими оазисами. Дальше к северу и востоку лежат пустыни — Сирийская, которая простирается от берегов Евфрата, Нефуд и Дахна.

Красные пески этих пустынь лишь в зимние месяцы, в период дождей, покрываются растительностью; летом они выгорают, и люди покидают их.

На юге Аравийского полуострова, вдоль побережья Индийского океана, влаги выпадает побольше. Здесь районы древней земледельческой цивилизации: Йемен, Хадрамаут, Оман.

Самые древние обитатели Аравийского полуострова были земледельцами, кочевого скотоводства, по-видимому, не знали и поэтому населяли только южные районы Аравии и оазисы центральной части полуострова.

В степях, полупустынях и пустынях люди стали жить постоянно только после того, как появилось кочевое скотоводство. Какие народы его «изобрели»? Когда и где это произошло? На все эти вопросы ответить невозможно. Ясно лишь, что оно возникло много позже земледелия. Оно требовало не столько физического напряжения, сколько высокого искусства, и было гораздо плодотворнее (производительнее) земледелия. Это давало силу кочевникам, на протяжении истории они часто покоряли земледельческие народы.

Прасемитические племена, от которых ведут свое происхождение арабы (это наименование можно перевести приблизительно как «бродяга» или «кочевник»), пришли на Аравийский полуостров, по-видимому, уже как кочевники. Они двигались вместе со стадами овец и коз, способных большую часть своей потребности в воде удовлетворять за счет свежего корма; с ними были верблюды, которые не только сами могут длительное время обходиться без воды, но и дают молоко — оно заменяет кочевникам воду в тех местах, где нет ни источников пресной воды, ни колодцев. «Не будь у них верблюдов, — замечает французский арабист Анри Ламменс, — половина кочевников погибла бы от жажды».

Вторгшиеся кочевники не только заняли девственные просторы степей и пустынь, но и в конце концов покорили древние земледельческие племена и смешались с ними.

Когда семиты разделились на арабскую и еврейскую ветви, неизвестно. По арабским средневековым преданиям,

в основном совпадающим с библейскими, предки семитов длительное время жили в Двуречье, где основали древнейшие цивилизации. Отсюда часть их двинулась на северо-запад, а часть — с правого берега реки Евфрат — в Аравию. Первые переселившиеся на полуостров племена, смешавшиеся с аборигенами, — от них остались только легенды — получили название «потерянных арабов», так как их уничтожил бог за грехи, либо они растворились среди более поздних колонистов. Этими колонистами были тринадцать сыновей Кахтана — библейского Иоктана, родного дяди ветхозаветного Ибрахима (Авраама), — которые из страны Хеттов за полторы-две тысячи лет до новой эры спустились к югу, вдоль Иордана и Мертвого моря, и расселились по Аравийскому полуострову. Потомков Кахтана называют «истинными арабами»; они дали начало группе южноарабских племен (йеменитов).

Северные племена считают «натурализовавшимися арабами» — их легендарный предок — Исмаил, сын Ибрахима от рабыни — египтянки Хаджар (библейская Агарь), стало быть, двоюродный внук того же Кахтана, родоначальника йеменитов. Но на полуостров переселялись и другие родственники Ибрахима: потомки брата его Нахора, сыновья Ибрахима от Кетуры и потомки Исава, внука Ибрахима.

Начало же еврейским племенам семитов было положено Исхаком (Исааком), сыном Ибрахима от Сарры, братом, хотя и не единоутробным, Исмаила.

Что в этих преданиях правда, а что — вымысел? Очевидно, как и во всяком эпосе, правдоподобный вымысел тесно переплетается в них с художественно и религиозно пересмысленными историческими фактами; племена и народы персонифицируются; существенное становится продолжительным по времени, а места труднодоступные — лежащими на краю света; люди и события часто группируются по законам художественного творчества, призванного выявить внутренний смысл исторических процессов. Как бы то ни было, различие между южными племенами, потомками Кахтана, и северными, потомками Исмаила, сохранилось до на-

шего времени, а тесное родство арабских и еврейских племен не вызывает сомнений.

Остров арабов во все времена лежал в центре цивилизованного мира. Древний Египет и Вавилон, страна Хеттов и Палестина, эллинские государства и Персидская держава — все это было рядом, во всех этих странах арабы бывали и как купцы с товарами, и как воины-наемники или союзники враждующих государств. Вторгались они в соседние страны и с целью грабежа. И в Аравию вторгались иноземные армии, подчиняли своему влиянию окраинные районы, но в центре полуострова удержаться не могли. Юг Аравии, Йемен и Хадрамаут, в первых веках нашей эры попадал в зависимость то от Эфиопии, союзницы Византии, то от Персии.

На севере Византия и Персия вели между собой непрекращающиеся войны, в которые вовлекали и арабов. Для Византии и Персии нужен был мир с соседними арабскими племенами, а не уничтожение их: уничтожить их или изгнать значило открыть свои границы для набегов племен Центральной Аравии, которые легко могли бы уходить с награбленной добычей в недоступные степи и пустыни.

Племена Центральной Аравии сохраняли полную независимость от кого бы то ни было. Они кочевали со стадами одnogорбых верблюдов, овец и коз по степям и пустыням; в оазисах выращивали финиковую пальму, сеяли ячмень и пшеницу.

Аравийский полуостров во все времена пересекали важные торговые пути — через Южную и Западную Аравию шла торговля Дальнего Востока и Средиземноморья, — особенно оживлявшиеся, когда войны прерывали сухопутный Великий шелковый путь. Водный путь по Красному морю использовался мало, и Западная Аравия являлась узлом сухопутных дорог между Индией, Ираном, Эфиопией, Сирией и Палестиной. Караваны перевозили благовония и ткани из Южной Аравии; золотой песок, слоновую кость и рабов из Африки; оружие, зерно и растительные масла из Сирии; шелк из Китая; жемчуг с побережья Персидского залива. Вдоль караванных дорог возникли поселения со складами товаров, ко-

торые нужно было охранять, и постоянными дворами, здесь же велась местная торговля и селились ремесленники. Кочевники снабжали караваны верблюдами и проводниками, вооруженной охраной. Они взимали с них налоги за проход по своей территории. Продавали торговцам шерсть, кожи и скот. Переселялись в города и поселки, становились торговцами. Поэтому кочевые племена в той или иной степени были заинтересованы, чтобы торговля шла бесперебойно и желательно по их территории.

У кочевников веками и тысячелетиями сохранялся почти без изменений племенной строй. Племена делились на семьи и группы семей — кланы (роды). Глава самого многочисленного и могущественного клана являлся обычно и главой племени — шейхом. Власть шейха основывалась на его авторитете, а все сколько-нибудь существенные вопросы решал он совместно со старейшинами племени. Шейх ведал сношениями с другими племенами и предводительствовал на войне, за что получал четвертую часть добычи. Он принимал гостей — законы гостеприимства были священны. Арабы, как и все другие кочевые народы, славились своим гостеприимством. На гостя не распространялся закон кровной мести, смертельный враг, успевший прикоснуться к шатру, мог чувствовать себя в полной безопасности — он гость. Для него резали последнего барана и последнего верблюда — величайший позор плохо принять гостя! Гость — свидетельство известности и мудрости хозяина; гость — это источник вестей, осведомленность о том, что делается в мире, знания, нужные для мудрых и дальновидных решений. Человек, который много знает, — уважаемый в племени человек, к мнению его стоит прислушаться. Умный человек обратит полученные сведения на пользу племени, да и себя не забудет. В общем, для кочевника был смысл соблюдать священный долг гостеприимства.

Другой священный долг племени — долг кровной мести. Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь — если не соблюдается этот закон, ни один человек не может себя чувствовать в безопасности даже у себя дома. Поэтому и при нападени-